

УДК 316:1

К вопросу о духовном плюрализме современного российского общества

О. И. Индуцкая, В. В. Кардашевский

Иркутский государственный университет, г. Иркутск
e-mail: okiwin@mail.ru, artem@maxim.baikal.ru

Изменение и появление новых духовных потребностей в современном российском обществе есть результат стихийной массовой маргинализации и индивидуализации социального субъекта. Следствием этих изменений являются прозелитизм и неопитство.

Ключевые слова: духовные потребности, плюрализм, свобода, маргинализация, индивидуализация, прозелитизм, неопитство.

1. Массовая маргинализация и индивидуализация российского социума как составляющая духовного плюрализма

Сначала необходимо определить, что мы подразумеваем под маргинализацией: «Маргинальная среда характеризуется, прежде всего, потерей индивидуумом объективной принадлежности к исходной общности, потерей своей субъективной идентификации с ней, размыванием норм и ценностей отвергаемых, по каким-либо причинам, культур, разрывом социальных связей» [3, с. 58]. Личность теряет систему координат, которую в нормальном состоянии общества задает культура народа.

Тем не менее, обществу для нормального функционирования необходима четкая привязка каждого индивидуума к своей стране и государству в целом.

Поэтому любой вновь формирующийся социум как, например, в современной России, или социальная система характеризуются стремлением к выработке устойчивого механизма идентификации социального субъекта и к жесткой ценностно-нормативной системе.

Самоидентификация является основой существования любой социальной системы. Поскольку идентификационный принцип обладает свойством диахронного (от поколения к поколению) культурно-цивилизационного воспроизводства, то, в конечном итоге, он лежит в основе воссоздания базовых ценностей и устойчивых навыков людей, предопределенных традицией развития, социальными и духовными константами.

Нарушение идентификации в той или иной степени свидетельствует о кризисе общества. Следствием и индикатором кризиса идентичности и выступает маргинальность.

Маргинальная группа, как и маргинальная личность, находясь на границе двух и более культур, имеет идентификацию с каждой из них и одновре-

менно утверждает свою собственную систему норм и ценностей. Для этой группы с ее неопределенным статусом и неустойчивым положением характерна внешняя и внутренняя противоречивость и, как следствие, потенциальная поливекторность развития.

На практике это проявляется в использовании людьми двойных стандартов (стереотипов поведения), следования разным, порой несовместимым традициям, что на уровне субъективного восприятия приводит к лабильности и неустойчивости мировоззренческих установок и ориентации.

Маргинальность социумом игнорируется, ее развитие предоставляется стихийным процессам, без какого-либо общественно-государственного регулирования.

Если данное явление достигает высокого уровня, особенно среди представителей умственного труда, то это начинает серьезно влиять на духовно-культурную жизнь общества. Такое влияние не обязательно должно быть негативным: выступая первоначально в качестве механизма разрушения устоявшихся социальных структур, маргинальная среда несет в себе и позитивный потенциал.

Индивидуум, находящийся на границе нескольких культурных миров и не принадлежащий ни к одному из них, в большей мере склонен к инновационной деятельности, поскольку для него многие установки не безусловны.

Феномен маргинальности необходимо рассматривать в двух основных ракурсах:

- с позиций взаимодействия индивидуума и социальных структур;
- с точки зрения мировосприятия личности, ее миропонимания.

Если общество блокирует использование маргиналами принятых социокультурных механизмов самореализации, то эти люди вырабатывают собственные.

Именно маргиналы настаивают на своем праве полной духовной свободы, понимая ее как «прежде всего свободомыслие» [4, с. 243] и используя для конструирования своей системы координат для привязки личности в обществе.

2. Неоднородность российского духовного пространства

В государственном строе России за минувшие два десятилетия произошли глубокие, радикальные изменения: из общества развитого социализма, существовавшего в СССР, мы плавно перешли в общественную формацию, название которой до сих пор не определено, но страна наша стала называться Россией, или Российской Федерацией.

Общность «советский народ», воспитываемая при советской власти, вдруг потеряла свою монолитность и стала распадаться на множество маргинальных элементов, в которых можно выделить множество групп, таких, например, как:

- чистые маргиналы, которые потеряли все – работу, жилье, семьи;
- маргиналы, которые вместе с работой потеряли желаемую область применения своим способностям;
- вынужденные мигранты: переселенцы с севера, из «горячих точек» бывших союзных республик, из сел в города и т. д.;

- предприниматели, выделившиеся в отдельную прослойку в обществе;
- профессиональные политики;
- новое поколение, ищущее себя в обществе;
- пенсионеры, вдруг ставшие ненужным балластом, что ясно прослеживается в величине пенсий и социальных пособий и т. п.

Также осталась определенная часть населения, которую мало коснулись изменения, произошедшие в стране: их работа, семья, жилище и даже взгляды остались неизменными.

Но все эти группы объединяет одно: люди потеряли самоидентификацию как единого «советского народа».

Новый термин «россияне», обозначающий население России, не отвечает потребности самоидентификации социального субъекта, так как не определяет ни национальной принадлежности, ни государственного подданства, ни конфессиональной определенности, ни комплекса нравственно-гражданских ориентиров, присутствовавших в определении «советский народ».

Маргинализация населения СССР–России прошла по двум направлениям одновременно – материально-экономическому и духовно-нравственному.

На начальных этапах перестроечного периода произошла активная нивелировка патриотического настроения населения. Этому немало способствовали СМИ, идеализация зарубежного образа и уровня жизни, свободный выезд за рубеж, «гуманитарная помощь» и т. п. Произошла также потеря образа врага – США и остального западного мира – консолидировавшего общность «советский народ» против «общего врага». На некоторое время победил взгляд на международные отношения как отношения равноправных и дружественных партнеров и соседей по планете, что, как мы теперь имеем возможность убедиться, не будет соответствовать действительности до тех пор, пока будут существовать государства.

Все это привело к тому, что быть советским человеком перестало быть престижным, и патриотизм утратил свое значение, тем более что страна, где жил «советский человек», перестала существовать.

Международное сообщество очень быстро дало понять, что рассматривает Россию как сырьевой придаток.

Глубокий экономический кризис и потеря нравственных ориентиров настойчиво требовали принятия решений каждым членом общества и самим обществом в целом.

Самоидентификация российского социального субъекта стала происходить, в том числе, и по совершенно неожиданному критерию, а именно: по пути изменения и конверсии духовных потребностей человека. Причем глубокие изменения произошли и происходят в наиболее интимной и в то же время социально-значимой сфере человеческой личности, там, где духовные потребности неизменно связаны с религиозным сознанием человека.

У социального субъекта советского периода истории России – «советского человека» – наличествовал культ государства, мировой революции, строителя коммунизма и т. д., отсюда вытекали и смыслополагающие духовные потребности: патриотизм, самоотверженность, работа на благо государ-

ства, всего прогрессивного человечества, и только потом – забота о семье и удовлетворении собственных потребностей бытового и культурного плана.

Культ государства в советский период соответствовал религиозному культу. Стоит принять во внимание, что религиозное сознание присутствует даже у человека, считающего себя атеистом, уже потому, что зиждется на утверждении, которое он не признает: существование Бога. Место Бога в сознании атеиста занимает государство, работа, наука, семья и т. д., и он самоотверженно служит тому, что считает смыслом своей жизни.

С крушением социалистического государства был разрушен и государственный культ с соответствующими нравственными ориентирами. Соответственно, с потерей социальной самоидентификации произошла и потеря нравственной самоидентификации.

Лозунг начала перестроечного периода «все, что не запрещено, то разрешено», призывавший людей к новому мышлению в сфере экономики, сработал и в духовной сфере сознания человека: были сняты моральные ограничения, результатом чего стали и бандитский «беспредел», и легализовавшиеся целители и знахари, астрологи и предсказатели, особенно востребованные в период нестабильности и буквально заполонившие страну в начале 90-х гг., деструктивные религиозные и коммерческие культы.

В то же время, определенная часть российского социума осталась и остается до сих пор на позициях социалистического мировоззрения, идентифицируя себя с той общностью, в которой прошло становление их личности. Как правило, это люди, на стиль жизни и благосостояние которых мало повлияли произошедшие изменения в стране: они не потеряли ни работу, ни жилье, ни социальный статус, т. е. счастливо избежали маргинализации, переживая, разве что, только индивидуализацию, в связи с резким сужением круга себе подобных.

Основная часть российского социума вынуждена была буквально начинать свою жизнь с нуля, заново создавая новую систему жизненных ориентиров и систему ценностей, где на первый план неожиданно вышли духовные потребности, несмотря на глубокий экономический кризис. Единственной константой оказалась религия и духовность «как основа конституирования человека как субъекта отношений» [2, с. 461].

В настоящее время происходит массовая самоидентификация социального субъекта по конфессиональной принадлежности. Люди уверенно называют себя православными, мусульманами, иудеями, буддистами, шаманистами, синтоистами и т. д., т. е. происходит изменение и конверсия духовных потребностей социального субъекта.

В связи с тем, что Россия вступила в мировое информационное сообщество, каждый россиянин получил возможность самостоятельно выбирать религию, соответственно собственным духовным потребностям, что закреплено на законодательном уровне Конституцией 1993 г., где признается равноправие всех религиозных организаций [1]. Таким образом, в России в настоящий момент идет процесс своего рода *самопрозелитизма* социального субъекта. В Западной Европе подобное явление получило определение «рынка религий»

[7, с. 44], где традиционные конфессии, пропагандируя себя, оставляют, тем не менее, право выбора за будущим прозелитом. Деструктивные же религиозные организации, в том числе религиозно-экстремистские и коммерческие культы, ведут себя достаточно активно в продвижении своих учений и привлечении новых членов в свои ряды.

В то время как традиционные религии ведут себя достаточно корректно в отношении молодежи, деструктивные культы буквально втягивают в себя молодых людей [5, с.11], используя в своих целях их юношеский максимализм и, свойственный периоду неопитства, огромный выход энергии.

Кроме того, молодые люди по сути своей являются неопитами в нашей жизни, они вступают в мир и впервые определяют для себя систему ценностей. Новому поколению только предстоит сделать свой выбор, и задача государства в этом случае – не допустить выпадения из социума молодого поколения, оказать помощь при вхождении в жизнь современного российского общества. Важным объектом политики государства по отношению к религии и церкви в России является такой социальный субъект, как новое поколение, выросшее в условиях духовной свободы, когда присутствует широкий спектр предложений для удовлетворения духовных потребностей и практически отсутствуют ограничительные рамки.

Государственная политика, обращенная в сторону поддержки традиционных для России религий, была бы очень своевременна и актуальна, так как такие религиозные конфессии, как, например, православие, ислам, иудаизм, буддизм выступали и выступают в истории России в роли государствообразующих и консолидирующих конфессий. Назревает необходимость на законодательном уровне выделить конструктивные и деструктивные религиозные конфессии и организации, во избежание социальной напряженности в стране в тот момент, когда происходит активная самоидентификация социального субъекта по конфессиональному признаку как одной из форм реализации духовной свободы.

3. Реализация духовной свободы в современном российском обществе сквозь призму взаимосвязи поколений

Учитывая все вышесказанное, важно отметить также то обстоятельство, что современное российское духовное пространство существует, относительно возраста его носителей, одновременно в трех ипостасях:

– постсоветское духовное пространство, персонифицированным образом которого выступает в основном старшее поколение россиян, продолжающее исповедовать марксистско-ленинскую идеологию. Здесь можно выделить неоконсерваторов, не признающих взгляды людей с иной мировоззренческой ориентацией, и либеральных консерваторов, признающих духовный плюрализм;

– духовное пространство прозелитизма, персонифицированным образом которого выступает старшее и среднее поколение россиян, подверженное изменению и конверсии своих мировоззренческих взглядов: с одной стороны, под влиянием извне – так называемые пассивные прозелиты (*стихийный массовый прозелитизм*), с другой стороны – активные прозелиты (*индивидуально-личностный прозелитизм*);

– новое российское духовное пространство, персонифицированным образом которого выступает новое, молодое поколение россиян, находящихся в поле духовной свободы, приобретенной старшим и средним поколением россиян; свободой, гарантированной основным законом Российской Федерации [1] – Конституцией России; свободой, «дарованной» при рождении.

Таким образом, в настоящее время имеются широкие возможности для духовных поисков и самоидентификации индивидуума в процессе становления нового Российского государства, где «индивидуальная вариативность мировоззренческих установок является важной предпосылкой для изменения и развития фундаментальных смыслов универсалий культуры» [6, с. 277].

Выводы. Сегодня в России сосуществуют в едином духовном поле представители различных мировоззрений, порой диаметрально противоположных, поэтому социальному субъекту очень важно иметь возможность диалога и понимать необходимость сохранения толерантности, исключая всякое проявление ксенофобии и чужденоненавистничества.

Литература

1. Конституция РФ. – М., 2008.
2. Барулин В. С. Социальная философия / В. С. Барулин. – М., 1999. – 560 с.
3. Индуцкая О. И. Маргинализация и религиозные культы // Вторые университетские социально-гуманитарные чтения 2008 года. – Иркутск, 2008. – С. 58–63.
4. Кардашевский В. В. К вопросу об интегральной парадигме видения как предельная форма духовной свободы // Изв. Иркут. гос. ун-та. – Иркутск 2007. – Вып. 1. – С. 243–248.
5. Новые религиозные объединения России деструктивного и оккультного характера : справочник / миссионерский отдел Московского патриархата Русской православной церкви. – Изд. 3-е, доп. – Белгород, 2002. – 446 с.
6. Степин В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М., 2000.
7. Четверякова О. Н. Религия и политика в современной Европе / О. Н. Четверякова. – М., 2005. – 176 с.

About Spiritual Pluralism of Contemporary Russian Society

O. I. Indutskaya, V. V. Kardashevskiy

The change and occurrence of new spiritual needs in a modern Russian society is a result of spontaneous mass marginalization and individualization a social subject. Proselytism and neophytity are the consequence of these changes.

Key words: spiritual needs, freedom, marginalization, proselytism, individualization, neophytity, pluralism.

Индуцкая Оксана Ивановна – соискатель кафедры философии и религиоведения, преподаватель отделения политологии и религиоведения Иркутского государственного университета, e-mail: okiwin@mail.ru

Кардашевский Валерий Валентинович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Иркутского государственного университета, e-mail: artem@maxim.baikal.ru